Приметы времени

А. СОЛОДОВНИКОВ

ПОТОМКИ, несомненно, отметят, что первые космические полеты человека и обнародование программы построения коммунизма произошли в один год, то есть с исторической точки зрения — одновременно. В этом есть своя закономерность. Космические рейсы Гагарина и Титова как бы символизируют тот скачок человечества из царства необходимости в царство свободы, который предсказывали классики марксизма.

Советский человек первым увидел Землю с борта космического корабля, и он же первым определяет, какой будет земля через 20 лет. Проект Программы КПСС изумляет не только силой научных обобщений, но и конкретностью исторического предвидения. Мы отчетливо представляем себе общие перспективы соревнования коммунизма с капитализмом. И вместе с тем знаем теперь достаточно точно, когда начнется, скажем, бесплатное пользование коммунальным транспортом, квартирами. Это придает Программе партии особую, вдохновляющую и организующую силу.

Прыжок в космос и начало коммунистической двадцатилетки еще выше подняли нашу страну в глазах мира, вызвали лавину народных чувств, дали повод и простор для проявления лучшего, что есть сегодня в советском человеке, в советском характере.

Ликующие народные демонстрации в честь первых космонавтов были кульминацией потока мыслей и вихря эмоций, овладевших народом. «Все в космос!», «Земля—Луна—Земля!» — звучало над колоннами. В подобных призывах демонстрирующей молодежи юный задор соединялся с уверенностью людей, которые о космосе думают уже активно, по-хозяйски, как несколько лет назад думали о целине или о строительстве комсомольских шахт.

ПУБЛИКАЦИЯ проекта Программы КПСС придает каждому нынешнему начинанию, каждому новому делу необычайную целеустремленность: помогает оно двадцатилетке—хорошо, мешает—плохо. Вырабатывается и укрепляется ясный моральный критерий. Чувства гордости, уверенности, подъема владеют народом. Они сказываются не только в цехах или на полевых станах. Необычайные, небывалые мысли и чувства вторгаются за семейный обеденный стол, сопровождают молодежь на прогулке, получают отражение в читательских карточках библиотек, все больше пронизывают все стороны повседневной жизни.

Господствуют ли они, эти новые мысли и чувства, за столом писателя, в мастерской художника? Поднимется ли наше искусство на тот уровень смелости, яркости и глубины, с каким написан проект Программы партии? Вот самый важный вопрос и самая большая задача всех, кто приобщен и приобщается к художественному творчеству.

Эмоция — мать вдохновения. Наши дни рождают эмоции необычайной красоты и силы. Они в свою очередь способны родить искусство, которое раскроет современникам всю мощь и величие нашего века, а потомкам сохранит живое дыхание наших дней. Грех будет, как говорят в народе, тем писателям, художникам, музыкантам, артистам, которые не зажгутся огнем всенародных чувств, которые не запечатлеют в волнующих и сильных образах неповторимые приметы начала коммунистической двадцатилетки. Ведь мы переступили рубеж, когда кончилась предыстория человечества и началась его подлинная история.

КАК ЧЕЛОВЕК театра я волнуюсь, естественно, за судьбы этого вида искусства. Многое изменится в его жизни, не изменится лишь один закон: для большого роста театра нужен большой рост драматургии.

Среди множества творческих проблем, возникающих сегодня, хочется, в первую очередь, подумать о характере и особенностях конфликта в современной советской драме. Сейчас уже нет споров о том, возможна или невозможна, допустима или нежелательна «бесконфликтная» пьеса. Там, где нет действия и взаимодействия, борьбы различных мнений или начал, борьбы между людьми или внутри человека, там нет драматургии и, естественно, нет театра.

В проекте Программы отчетливо сказано, что и после победы социалистического строя в сознании и поведении людей сохраняются пережитки капитализма, которые тормозят движение общества вперед. Полное преодоление подобных пережитков — одна из главных целей идеологической работы на современном этапе. Перед литературой и искусством прямо поставлена задача — наряду с вдохновенным и ярким воспроизведением нового, подлинно коммунистического, **обличать** все то, что противодействует общественному прогрессу. Здесь заключена основа многих конфликтов нашего времени.

Однако жизнь будет выдвигать перед строителями коммунизма новые и новые проблемы, будут возникать новые своеобразные трудности и противоречия. Их надо вовремя распознавать и выявлять, чтобы быстрее расчищать путь обществу. Больше чем когда-либо художник должен чувствовать пульс общественной жизни, чутко воспринимать новое — и в его красоте, и в его сложности. В многообразии и быстрой смене жизненных явлений надо уловить то, что достойно широкого общественного внимания. Художники, как и люди науки, могут оказать огромную помощь партии, открывая новые пласты жизни, помогая выравнивать движение общества по компасу коммунизма.

Важно сейчас не предсказание возможных конфликтов, не отвлеченное теоретизирование, а еще более тесная связь с жизнью, с практикой коммунистического строительства. Важно понимание того, что новое рождается в борьбе.

Как бы ни были велики успехи и силы коммунизма, ему приходится преодолевать немало противоречий и решать множество конфликтов. Меняется характер и содержание конфликтов, крепнет наступательная сила нового, множатся победы коммунизма, но преодоление трудностей и противоречий, мешающих успешному коммунистическому строительству, составляет и будет составлять сущность общественного прогресса.

Именно это обстоятельство говорит за то, что драматургия, для которой художественно-действенное постижение действительности всегда было центральной задачей, не потеряет своего значения ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем.

Наша эпоха есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем. Силы социализма, мира и демократии борются против сил империализма, реакции и агрессии. Перевес сил социализма, мира и демократии в этой борьбе становится все более очевидным. Наш оптимизм — родной брат нашей уверенности в завтрашнем дне. В противоположном лагере множатся настроения пессимизма и безысходности.

Главный конфликт нашего времени — конфликт между коммунизмом и капитализмом. Наше стремление к мирному сосуществованию государств с различным общественным строем не означает примирения социалистической и буржуазной идеологий. Напротив, политика мирного сосуществования предполагает усиление борьбы рабочего класса, всех коммунистических партий за торжество социалистических идей.

В этом свете борьба нового и старого в нашей стране не изолирована от главного конфликта эпохи. Реакционная буржуазная пропаганда всячески стремится подогреть остатки буржуазной морали и идеологии, сохранившиеся в странах социалистического содружества, стремится придать им живучесть и цепкость. С другой стороны, наши успехи получают немедленный международный резонанс и укрепляют мировые позиции социализма.

Идейные противники коммунизма, владеющие пока огромными материальными ресурсами, создали чудовищную машину растления человеческого сознания и искажения истинной природы наших целей и нашей деятельности. Яд «антикоммунизма» они широко и изворотливо распыляют в подвластных им странах, прилагая вместе с тем всяческие усилия для переброски этого яда через недоступные им границы социализма в надежде найти пособников.

Люди делают историю. И никогда, пожалуй, это не ощущалось с такой ясностью и в таком всеобъемлющем смысле, как в наше время. Борьба между новым и старым, передовым и отсталым, борьба между социалистическим сознанием и пережитками капитализма в сознании, борьба между честностью и обманом — все эти наши внутренние противоречия решаются в условиях коренного противоречия эпохи — противоречия между капитализмом и коммунизмом на международной арене. Наши успехи убыстряют, а наши промахи замедляют шаги мировой истории.

Эти общие соображения, мне кажется, чрезвычайно необходимы, чтобы противоречия и конфликты жизни, отраженные в ряде завоевавших популярность произведений драматургии, рассмотреть в их принципиальном значении и сущности.

В ПЬЕСЕ «Цветы живые» Н. Погодин привлек внимание к хитрой, умной и изворотливой Серафиме. Ловко расставляет она сети душевности, смирения, религиозности. За нею уже идет Аллочка, она почти овладела душой заводского человека, мастера Родина.

На первый взгляд, требования и цели Серафимы весьма скромны. «Живи нормально. Незаметно живи...» — говорит она Николаю Бурятову, вожаку коммунистической бригады. И взамен обещает ему вернуть любовь Аллочки и обеспечить тихое семейное счастье. От Родина Серафима хочет тоже как будто немногого: брось завод, забудь о беспокойных делах, уедем в тихий, провинциальный домик, окруженный цветами, будем жить там «незаметно».

За всем этим скрываются, однако, опасные для общества попытки сковать активность строителей коммунизма, увести их от большой жизни для народа, от мыслей и поисков нового в болото растительного, обывательского существования. Когда перед Николаем Бурятовым возникают трудности создания коммунистической бригады, Серафима открыто торжествует: «главное дело жизни» у бригадира не вышло. Эта «смиренница» не просто обыватель, она — сознательный противник коммунистического переустройства жизни.

Борьба Николая против Серафимы сложна, трудна, тем более, что Серафима на первых порах не позволяет себе ничего «незаконного». Это прежде всего борьба за души тех, кто колеблется, заблуждается, не понимает великого смысла наших будней. Не зря, мне кажется, Н. Погодин поставил в центре пьесы Родина — человека заслуженного, кадрового рабочего, мастера, отца. Больше всего волнуют драматурга сложности и противоречия в душе этого человека. Кто же победит: тихий домик Серафимы или дерзкое, молодое, прекрасное по целям и такое нелегкое по осуществлению движение коммунистических бригад? За такими, как Родин, пойдут многие. И от того, куда он повернет — к старому или к новому,—зависит в значительной мере судьба прекрасных начинаний Бурятова — человека, уже как бы увидевшего наше завтра, одержимого пафосом коммунистического созидания.

Побеждает новое. Родин разрывает с Серафимой. Дело Николая Бурятова торжествует, он завоевывает свое счастье с Аллочкой не путем отступления от высоких целей, а в борьбе за них.

Но ведь «Цветы живые» говорят и о силе нового, и о цепкой живучести старого, о сложных путях борьбы с ним. Молодые побеги нового, коммунистического, цветы живые кое-где могут быть еще заглушены обволакивающими, хотя и мертвыми цветами мещанской успокоенности, обывательского равнодушия. Борьба за тех, кто мучим сомнениями, кто не преодолел еще сковывающей, липкой паутины старой морали, эгоистического подхода к жизни, — большая задача партии, общества, его передовых представителей. В этом внутренний смысл пьесы «Цветы живые» и существо тех конфликтов, которые она отражает.

Бригада коммунистического труда будит и поднимает сознание Родина и Аллочки, Ланцова и Нюши. Она заставляет их переосмысливать, перестраивать не только производство, но **все** нравственные и бытовые, мировоззренческие и психологические начала, которые вчера еще казались им «нормальными» и допустимыми, а сегодня воспринимаются как уродливые остатки прошлого. В этом прежде всего значение победы, одержанной бригадой Бурятова.

Если Серафима — откровенный противник нового, то Македон Сом в

(Окончание на 3-й стр.)

Приметы времени

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

комедии «Над Днепром» А. Корнейчука — весь в доспехах «борца» за новое.

А. Корнейчук смело показал, как под колхозным обличьем могут жить кулацкие, по сути дела, тенденции и нравы. И борьбу Родиона Нечая против Македона Сома мы воспринимаем как борьбу партии против тех, кто примазывается к нашему делу, подделывается к формам нашей жизни, будучи, по существу, глубоко чуждым ей.

Комедия «Над Днепром» заставляет нас вспомнить один из важнейших заветов Ленина: «Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое* в своей будничной работе. Побольше *проверки* того, насколько *коммунистично* это новое».

Эти слова дают художнику целую программу подхода к жизни и ее изучения. Они открывают особый тип противоречий и конфликтов нашего времени — противоречий между действительно новым, коммунистическим, и тем, что **хочет казаться** новым, **прикидывается** коммунистическим, преследуя при этом лишь свои, эгоистические, а не общенародные интересы. Смело и решительно партия обнажает подобные противоречия, призывая к борьбе против сомов и сомят всякого рода, развенчивая очковтирателей, обманщиков и карьеристов.

В ОТЛИЧИЕ от «Цветов живых» и «Над Днепром», во многих современных пьесах нет героев, противостоящих друг другу в качестве идейных противников. Часто даже нет и того, что раньше легко укладывалось в рубрику «отрицательный персонаж». В самом деле, попробуйте разделить на положительных и отрицательных героев «Иркутской истории». Из этого ничего не выйдет. Арбузов, движимый симпатией ко всем своим героям, стремится в каждом найти зерна хорошего, способного расти и поднимать людей до уровня требований коммунизма.

Продолжая гуманистические традиции классической русской и советской литературы, наши драматурги ищут **человеческое в человеке.** Но история дает им счастливую возможность показывать не то, как **гибнет** человеческое, будучи растоптано сапогом эгоизма, индивидуализма, своекорыстия сильных мира сего, то есть всеми условиями жизни в эксплуататорском обществе. Впервые в жизни человечества в условиях общества, покончившего с эксплуатацией и строящего коммунизм, красота человеческого получает возможность **расцветать в** каждом человеке, кем бы он ни был и что бы он ни делал. В этом пафос гуманизма наших дней, коммунистического гуманизма. И в этом идейное существо советской драматургии.

На чем же тогда **строятся** конфликты? «Иркутская история» дает хороший ответ и на этот вопрос. Конфликты этой пьесы, не имеющей «отрицательных» персонажей, возникают в результате **противоречий внутреннего роста** людей. Этот рост, будучи явлением всеобщим, не прямолинеен, не прост и не укладывается в какую-нибудь идиллическую схему. Внимательный художник отчетливо видит, как общая закономерность нашей жизни находит конкретное, индивидуальное проявление в каждом отдельном человеке. Один в своем росте обгоняет другого, растет требовательность к себе и к окружающим, отставание одного тормозит развитие целого коллектива. Сталкиваются различные уровни общественного сознания, приходят в противоречие личные чувства, различные нормы отношения к труду.

Здесь и возникают конфликты, которые выражают **противоречия роста** людей. Но именно роста, движения, развития. Ценность указанной пьесы Арбузова в том, что драматург не в лоб, не схематически, но отчетливо и средствами глубоко душевного, психологически насыщенного искусства показал эту главную тенденцию нашей жизни, показал красоту людей, **желающих** и имеющих **возможность** с каждым днем приближаться к идеалу человека коммунистического общества.

Успех в народе «Иркутской истории» лишний раз показывает, насколько плодотворны творческие поиски конфликтов, носящих **жизнеутверждающий характер** и выражающих существо отношений между людьми в обществе, развивающемся на базе морально-политического единства, идущем от социализма к коммунизму.

Нравственная сила людей, их стремления творчески и в интересах общества решать возникающие противоречия проявляются и в пьесе А. Штейна «Океан». Ее главный герой Платонов — командир миноносца. Жизнь сталкивает его с необходимостью либо выполнять воинский устав с точки зрения его буквы и при этом наносить ущерб флоту, либо формально нарушить устав, но сохранить флоту и обществу человека, проявившего колебания, взяв на себя полную ответственность за судьбу этого человека.

Коллизия сложная, трудная. Однако драматург убеждает нас в том, что даже в вопросах воинского долга, воинского устава существо важнее формы, а живое, творческое, неказенное отношение к делу всегда себя оправдывает.

А. Штейн, несомненно, верно разрешил избранный им конфликт. Возникает лишь вопрос, **насколько типичен** для нашего общества конфликт подобного рода. Столкновение служебного долга и совести человека для всего строя нашей жизни **не характерно.** Это явление редкое, и оно может быть вызвано лишь особыми, исключительными обстоятельствами. Таких обстоятельств драматург нам не раскрыл, так как не дал жизненного, глубокого объяснения колебаний и внутренних сомнений Часовникова. Искусственность этого образа привела к известной надуманности конфликта.

В пьесе «По московскому времени» Л. Зорина нет сценического действия, видного с первого взгляда и лежащего на поверхности. Пьеса как будто вообще бедна событиями. Секретаря партийной организации нефтепромысла Кистякову забаллотировали при выборах на партийную конференцию. Делегатом избран инженер-геолог Зваврч. Второй секретарь обкома партии Калмыков, считая Кистякову работником усердным и в высшей степени исполнительным, рекомендует ее на должность инструктора обкома. Первый секретарь обкома Ларин, только что избранный, не возражает, но хочет сначала присмотреться к людям и к обстановке. Оба секретаря едут на нефтепромысел, заезжают в колхоз, беседуют. В результате этих встреч и бесед Ларин не соглашается на приглашение Кистяковой в аппарат обкома. Больше того, выясняется полная невозможность совместной работы Ларина и Калмыкова.

Таков в нескольких словах сюжет пьесы. В ней, однако, отчетливо раскрывается природа тех конфликтов, которые отражают процесс восстановления и укрепления ленинских норм в нашей партийной и общественной жизни, процесс, с особой силой развернувшийся после XX и XXI съездов партии.

По мере того как развиваются незначительные, на первый взгляд, события пьесы, выясняется все более и более, что Ларин и Калмыков по-разному оценивают людей, по-разному воспринимают окружающие их явления и поступки, делают из них различные выводы.

Калмыков, давно работающий в обкоме, ко всему присмотрелся, притерпелся. У него выработаны свои представления о людях, их возможностях и ценности. С готовыми мерками ему удобно. Если возникают факты, вступающие в противоречие с привычными мерками и представлениями, тем хуже для фактов — их надо отвергнуть, не принимать во внимание.

Ларин человек другого склада. Он воспринимает жизнь творчески, постоянно размышляет, сопоставляет. Непонятный и новый факт — для него лишь часть жизненного движения. Он стремится за фактом увидеть причины, его породившие, и не успокоится, пока не найдет и не поймет их, а поняв, делает свои выводы, неожиданные для людей, подобных Калмыкову.

Так выясняется разный подход к жизни двух секретарей обкома. Суждения Ларина полны живой, ищущей мысли. Он не только понимает изменение обстановки в стране. Он сам — носитель нового, усердно расчищающий ему дорогу. Ларин лелеет родник народной инициативы. Он не пугается необычного, растущего, ломающего застывшие каноны и стандарты, окостеневшие, «общепринятые» формы общественной жизни, возникшие в результате культа личности и отступления от ленинских принципов.

Чем больше наблюдений накапливается у Ларина, тем определеннее становятся его отношения с Калмыковым. Ларин все отчетливее видит, как второй секретарь обкома своим равнодушием и неприязнью ко всему новому, необычному, беспокойному глушит инициативу людей, мешает их росту, лишая страну самого драгоценного — живительной силы стремления к лучшему, сознания полноценности и важности **усилий каждого** в достижении **общих целей,** в борьбе за коммунизм. Автор показывает при этом, что боязнь нового проистекает из неверия в людей, из непонимания их выросшей сознательности и заинтересованности в общем деле.

Сопоставив методы работы двух секретарей обкома, людей заслуженных, безусловно честных и преданных делу, не совершивших ничего, что могло бы быть оценено как проступок или нарушение норм законности, Л. Зорин сумел подметить и развернуть конфликт интересный и существенный, отражающий новое в нашей жизни.

РОСТ СОЗНАТЕЛЬНОСТИ советских людей, их умение решать жизненные коллизии с принципиальных идейных позиций коммунизма, возрастающее чувство ответственности человека перед обществом и вместе с тем активное желание передовых максимально увеличить свой вклад в общее дело — все эти процессы нашей жизни и выдвигают на первый план **конфликты нового рода.** Это конфликты между творческим и формальным подходом к делу, между возрастающей инициативой людей и перестраховочным ожиданием «указаний сверху», между чутким вниманием ко всему новому и привычкой жить по инерции, между движением вперед и топтанием на месте. В конечном итоге это конфликты между ленинской партийностью и догматизмом, между тем, что помогает строить коммунизм, и тем, что его тормозит.

При изменении характера конфликтов действенная сторона их не становится менее необходимой или менее заметной. Борьба во имя уничтожения противника, определявшая конфликты начального периода развития советского общества, уступает место борьбе за перевоспитание или, в крайнем случае, обезвреживание носителя буржуазной морали, за лишение его права влиять на людей, вести их за собою. Однако сила и острота борьбы, глубина переживаний, страстность и волевое напряжение борющихся сторон не снижаются и не снимаются, отражая, в конечном итоге, силу и напряжение главного конфликта эпохи — конфликта между коммунизмом и капитализмом.

Многим нашим пьесам, в том числе и перечисленным, не хватает как раз страстности, эмоционального накала. Температура драматургических конфликтов отнюдь не передает бурного кипения жизненных страстей, переживаний, столкновений. Жизнь опережает и фантазию драматургов, оставляя далеко позади те прозрения будущего, которые иным авторам кажутся необычайно смелыми.

В этом таится серьезная опасность для театра. Сцена всегда давала сгустки жизни, концентраты противоречий и конфликтов. Сейчас сплошь да рядом непосредственные жизненные впечатления оставляют в сознании и в сердцах людей более сильный след, чем их драматургическая и сценическая обработка.

С новой силой возникает вопрос о **мастерстве** писателя, режиссера, актера. Жизненные конфликты становятся сложнее, тоньше. Развитие их в сфере по преимуществу идеологической, интеллектуальной, моральной требует возрастающего мастерства драматурга и все более тонких и умных средств от театра. Для правдивого воплощения конфликтов нового рода искусство психологического реализма будет приобретать, бесспорно, все большее значение.